Свято-Троицкой Сергіевой Лавры
ГЛАВНАЯ БИБЛІОТЕКА.
Опись 1915 г.
ОТДѢЛЪ 10
№ 5824.
90
448

Свято-Троицкой Сергіевой Лавры

ГЛАВНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Опись ×аЏS г.

ОТДѢЛЪ 10

№ 5824.

Е 90/448

ВОСПОМИНАНІЕ

992 а /58/

СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. 14 Сентября, 1856 года.

Ценсоръ Статскій Совѣтникъ В. Флеровъ.

2007231765

19/XII 35

Пожертвова Лавры. Намѣстникомъ Архим. Антоніемъ въ Библіотеку. Т. С. Лавры 1865 г. 30 Янв.

ВОСПОМИНАНІЕ

СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ.

Опять я въ мирномъ Останкинѣ, на моей уединенной террасѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ рощами, ничего не видя кромѣ зелени и неба, ничего не слыша кромѣ сельскихъ звуковъ; сижу, весь погруженный въ созерцаніе мирной природы, облитой золотомъ осенняго солнца, и, посреди сей глубокой тишины, еще не могу совмѣстить, въ душѣ своей, впечатлѣній вчерашняго всенароднаго торжества съ нынѣшнимъ безмолвіемъ!—Не уже ли дѣйствительно вчера совершилось священное вѣнчаніе Царя нашего, и ликовалъ Кремль во звукѣ своихъ колоколовъ, во гласѣ своего народа?—Не ужели вчера, предъ моими глазами, во святынѣ собора, Державный при-

ималъ вѣнецъ и скиптръ своихъ предковъ, изъ старческихъ рукъ благословляющаго Святителя? — И все это было? и это не игра моего восторженнаго воображенія?

Какая тишина! — вотъ и знакомые звуки любимаго пастушескаго рожка, заливающагося въ чащѣ лѣса, скликающаго стадо съ вечерняго пастбища. . . . Но отколѣ внезапный гулъ?... Это голосъ Ивана Великаго! это откликъ всѣхъ его мѣдноязычныхъ дѣтей, изъ трехъ сотъ устъ, вѣщающихъ въ слухъ земли: «было! было! свершилось!» — При гласѣ столькихъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ; опять раскрывается предъ моимъ взоромъ, но уже мысленно, то же дивное зрѣлище, котораго былъ вчера свидѣтелемъ. — Соберу впечатлѣнія; скажу то что видѣлъ и, если могу, то что чувствовалъ; кратки рѣчи, когда горитъ на сердцѣ; это всплески кипящаго котла!

Съ чего начну?—Мы стояли на возвышеніи трона, предназначенные для несенія порфиръ, ожидая пришествія Царскаго; соборъ уже былъ наполненъ Послами иноземными; представители всѣхъ сословій государства, можно сказать, выборные всей земли Русской, занимали мѣста свои позади трона; двѣнадцать Архіереевъ, въ золотыхъ ризахъ, съ мно-

гочисленнымъ клиромъ, ожидали, во вратахъ южныхъ, Грядущаго во имя Господне; глубокая тишина царствовала: — вступила Царица Мать, и за нею весь Царственный сонмъ Великихъ Князей и Княгинь, цвѣтущая отрасль ея благословеннаго корня, — Величественно поднялась Она на ступени трона, ей давно знакомаго, поддерживаемая двумя сынами, и сановито возсѣла у праваго столпа подъ сѣнію, на свое мѣсто, въ полномъ смыслѣ свое: въ каждомъ ея движеніи видна была Царица; тридцатилѣтній вѣнецъ, на главѣ ея, освящался воспоминаніями минувшаго.

Вслѣдъ за тѣмъ появились, одно за другимъ, знаменія Царской власти, руками сановниковъ возносимыя на ступени трона: государственныя знамя, мечь и печать, двѣ порфиры, скиптръ и держава, и два вѣнца: Императорскій великій и малый для Императрицы. — И когда все это было расположено по лѣвую сторону Царскаго престола, и всѣ уже стали на мѣстахъ своихъ, сдѣлалось внутри храма, изображающаго небо, глубокое молчаніе, Апокалиптическое, если такъ позволено выразиться, ибо все здѣсь было таинственно и знаменательно, какъ бы въ книгѣ откровенія Іоаннова: «и бысть безмолвіе на небеси, яко полчаса.» (Апокал. VIII. 1)

И, послѣ сего молчанія, послышалось пѣніе ликовъ, Ангельскихъ по истинѣ болѣе нежели человѣческихъ, возносившихъ мысли и сердце отъ земли на небо. Они пѣли вдохновенный псаломъ Царя Пророка: «милость и судъ воспою тебѣ, Господи», изображающій, какимъ чувствомъ должна быть проникнута душа, водворяющаяся въ домѣ Божіемъ. — Это было привѣтственное пѣніе входящему Царю! Его сопровождала Россія, его срѣтала Церковь, молитвою надежды и любви. — Святитель Московскій встрѣтилъ его во вратахъ собора, во имя Первосвятителя Петра чудотворца, который за пять вѣковъ предрекъ на этомъ мѣстѣ, славу Царей нашихъ: «яко взыдутъ руки ихъ на плещи враговъ ихъ», и самъ возлегъ здѣсь нетлѣнно, во свидѣтельство имѣющаго совершиться. — Покамѣстъ пѣли лики, Царственная Чета припадала благоговѣйно къ святымъ иконамъ, Спаса Эммануила и Богоматери Владимірской, писанной Евангелистомъ Лукою. — Это былъ самый день ея торжества, когда Церковь Россійская празднуетъ бѣгство страшнаго нѣкогда Тамерлана, изъ ея предѣловъ; это была и годовщина славной битвы Бородинской, въ которую Провидѣніе спасло также Россію отъ другаго грознаго завоевателя; нельзя было лучше избрать дня, для Царскаго вѣнчанія!

Царственные Супруги взошли на возвышеніе трона и сѣли на своихъ престолахъ: Императоръ — на изящно изваянный изъ слоновой кости, Византійскій престолъ Іоанна III-го, который принесла ему въ наслѣдіе, вмѣстѣ съ орломъ Имперіи, послѣдняя отрасль Палеологовъ, Царевна Софія; Императрица — на одномъ изъ восточныхъ престоловъ, которые по временамъ присылали въ даръ Царямъ нашимъ, мощные обладатели Востока, какъ бы предчувствуя будущую, дальнюю грань расширяющейся къ нимъ Россіи. — Можно было вспомнить здѣсь слово псаломное: «предста Царица одесную тебе, въ ризахъ позлащенныхъ одѣяна и преиспещрена.» (Псал. 44).

Тогда, по бархатнымъ ступенямъ возвышеннаго амвона, тихо поднялся, въ золотомъ саккосѣ и пурпурномъ омофорѣ, удрученный годами, но еще бодрый духомъ, Святитель Московскій, за тридцать лѣтъ предъ симъ уже участвовавшій въ Царскомъ вѣнчаніи, присноламятнаго Родителя Того, кому долженъ былъ на сей разъ самъ поднести вѣнецъ. Онъ сталъ предъ лицемъ Державнаго, чтобы внять изъ Царскихъ устъ, православное исповѣданіе его вѣры, прежде нежели приступить къ священному коронованію Царя, ибо таковъ былъ искони обычай боголюбивыхъ предковъ.

Кто не подивится здѣсь прозорливой мудрости Православной Церкви? — Не только отъ Епископа, пастыря духовнаго, требуетъ она чистаго исповѣданія Символа, но даже и отъ Самодержца, чтобы вся Церковь могла слышать, какъ вѣруетъ, Богомъ дарованный ей защитникъ, и, чрезъ сію вѣру, мирно пребывать подъ его сѣнію.

«Како вѣруеши?» спросилъ Святитель, и громогласно, торжественно, какъ вѣрный сынъ и заступникъ Церкви, произнесъ въ слухъ ея, Символъ Православной Каѳолической вѣры, Благочестивѣйшій Государь, проникнутый до глубины души тѣмъ, что исповѣдывалъ устно, и каждое его слово проникало въ душу внимавшихъ его искреннему исповѣданію. — «Благодать Святаго Духа да будетъ съ тобою», сказалъ Митрополитъ Царственному Исповѣднику, и возвратился къ сонму своихъ собратій. — Ихъ было двѣнадцать, по чину Апостольскому; соборно начали они совершать торжественный молебень, предшествующій вѣнчанію, между тропомъ и олтаремъ. Умилительныя прошенія возглашалъ протодіаконъ отъ лица всей Церкви: «чтобы благословеніемъ Господа господствующихъ и Царя царствующихъ, благословилось Царское вѣнчаніе, и десницею Вышняго укрѣпился скиптръ, и по-

мазаніемъ святаго мура, воспріялъ бы Самодержецъ силу и премудрость къ правленію и правосудію; да услышитъ его Господь въ день печали и пошлетъ ему помощь отъ Святаго, и отъ Сіона заступитъ его, и дастъ ему Господь по сердцу его и весь совѣтъ его исполнитъ; подчиненные ему суды не мздоимны и пелицепріятны сохранитъ, и да укрѣпляетъ Господь силъ оружіе его на всякаго врага и супостата.»

Утѣшительно было для сердца чтеніе пророчества Исаіи: «рече Сіонъ: остави мя Господь и Богъ забы мя; еда забудетъ мати отроча свое, яко не помиловати изчадія чрева своего? — Аще же и забудетъ то жена, но азъ не забуду тебе, глаголетъ Господь! Се въ руку мою вписахъ грады твоя и предо мною есп присно.» — Дѣйствительно, всегда предъ лицемъ Господнимъ вѣрная ему Россія, и въ рукѣ Божіей вписаны ея грады, и когда бы и мать забыла дѣтище свое, Господь не позабудетъ Православной своей Церкви и земли нашей!

Сколь утѣшительно было пророчество, столь же назидательны слова Апостола, для всѣхъ внимавшихъ ему правымъ сердцемъ: «хощеши ли не боятися власти?—благое твори и имѣти будеши похвалу, Божій бо слуга есть, тебѣ

во благое; аще ли злое твориши, бойся, не бо безъ ума мечь носитъ; тѣмъ же потреба повиноватися, не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть.» Евангеліе запечатлѣло заповѣдь Апостольскую, изреченіемъ самой истины, Господа Іисуса: «воздадите убо Кесарева Кесареви, и Божія Богови».

Послѣ чтенія Евангелія, три Митрополита поднялись на возвышеніе трона, Новгородскій и Литовскій по сторонамъ Московскаго, и началось Царское облаченіе во всѣ знаменія верховной власти. — Какъ только облекся своею порфирою Императоръ, благоговѣйно преклонилъ Онъ главу, и Святитель, возложивъ на нее руки, возгласилъ во всеуслышаніе трогательную молитву, которая изъ всѣхъ очей исторгла невольныя слезы; старческій голосъ одушевился на краткій мигъ необычайною силою, чтобы вся Церковь приняла участіе въ столь знаменательной молитвѣ. Онъ молилъ Царя царствующихъ, избравшаго нѣкогда, чрезъ Пророка Самуила, раба своего Давида, чтобы помазать его Царемъ во Израилѣ надъ людьми своими, призрѣть отъ святаго своего жилища, и нынѣ, на вѣрнаго раба своего, котораго благоволилъ поставить надъ своимъ народомъ, искупленнымъ честною кровію Единороднаго Сына Божія. Молилъ еще удостоить

его помазаніемъ елея радости, одѣть его силою свыше, возложить на главу его вѣнецъ отъ камене честна, даровать ему долготу дней и скипетръ спасенія, посадить его на престолѣ правды, оградить его всеоружіемъ Святаго своего Духа, смирить предъ нимъ всѣ варварскіе языки, хотящіе браней; паче же всѣять въ сердце его страхъ Божій и сострадніе къ послушнымъ, соблюсти его въ непорочной вѣрѣ, показать вѣрнымъ хранителемъ догматовъ святой Каѳолической Церкви, да судитъ въ правдѣ и спасетъ сыны убогихъ и наслѣдникомъ будетъ небеснаго царствія.»

Не все ли выражено въ сей краткой, вдохновенной молитвѣ? Плакалъ не Одинъ лишь преклонявшій освящаемую главу свою подъ руки Святителя; плакали всѣ предстоявшіе, и столько слезныхъ молитвъ могли ли не проникнуть въ небо?—Митрополитъ поднесъ Государю Императорскую корону и благоговѣйно возложилъ ее на главу свою Самодержецъ, освящаемый благословеніемъ Святителя, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, при таинственномъ изъясненіи знаменованія сего вѣнца: «видимое сіе и вещественное главы твоея украшеніе, явный образъ есть, яко тебя, Главу Всероссійскаго народа, вѣнчаетъ невидимо Царь славы Христосъ, благослове-

шіемъ своимъ утверждая тебѣ владычественную и верховную власть надъ людьми своими».—Потомъ Митрополитъ вручилъ Государю скиптръ и державу, съ такимъ же высокимъ и знаменательнымъ словомъ: «пріими скиптръ и державу, видимый образъ даннаго тебѣ, отъ Вышняго, надъ людьми самодержавія, къ управленію ихъ и къ устроенію всякаго желаннаго имъ благополучія.»

О мудрая Церковь!—Не только освящаетъ она каждый изъ ввѣряемыхъ ею залоговъ Самодержцу, для спасенія словеснаго стада, но и объясняетъ таинственное ихъ значеніе, чтобы вѣнчанный Властитель, христіански, уразумѣлъ воспріемлемый имъ на землѣ образъ Христа, то есть Помазанника Божія, для достойнаго теченія на столь высокомъ поприщѣ. Облеченный во всеоружіе своей власти, возсѣлъ Онъ на престолѣ Мономаховъ и Палеологовъ. Началось другое вѣнчаніе, хотя и не облеченное торжественностію обрядовъ церковныхъ, но столь же трогательное, ибо оно было согрѣто всею нѣжностію супружеской любви. Императоръ позвалъ къ своему престолу Спутницу лучшихъ дней своей жизни, призванную раздѣлить съ нимъ и Царскій вѣнецъ. Она стала на колѣни предъ Супругомъ, во всей красотѣ своего смиренія; чистая ея

душа просіявала въ свѣтлыхъ чертахъ: казалось, бѣлый Ангелъ Россіи слетѣлъ къ подножію земнаго ея престола, со ступеней небеснаго!— Царь Русскій снялъ съ главы блистательный вѣнецъ свой, и тихо прикоснулся имъ скромнаго чела своей Супруги; потомъ возложилъ на главу ея малую корону. Слезы обоихъ Супруговъ слились въ ихъ взаимномъ привѣтствіи; Царицею поднялась облекшаяся въ порфиру, и возсѣла на свой восточный престолъ.

Тогда Императоръ воспріялъ опять скиптръ и державу, на время имъ отложенные для вѣнчанія Супруги, и протодіаконъ возгласилъ ему великолѣпный титулъ Самодержцевъ всея Руси, при громѣ орудій, при гулѣ всѣхъ колоколовъ Кремлевскихъ, утѣшительный тѣмъ, что каждое его слово есть истина, а не одна лишь память минувшей славы. — Здѣсь три царства Іоанновы: Казань, Астрахань и Сибирь, встрѣчаются съ Польскимъ и Таврическимъ, и земля Югорской, на ледовитомъ Сѣверѣ, противопоставлена роскошная область Армянская, у подножія Арарата. — Сердцу Русскому сладостна сія картина необъятной державы, раскинувшейся на девятую часть міра, со всѣми наименованіями разнообразныхъ царствъ ея, областей и княженій, въ окраинѣ

Океановъ. Во время громкаго многолѣтія происходили трогательныя семейныя привѣтствія: Царица-Мать поднялась съ своего престола, чтобы воздать почесть любви вѣнчанныхъ Сыну и Дщери. Сколько минувшаго выразилось въ этомъ настоящемъ, сколько взаимной привязанности! Тутъ не было словъ, были только лобзанія и слезы, посреди громкихъ многолѣтій; не только вѣрные сыны Россіи, но и самые иноземцы, поражены были симъ зрѣлищемъ, вмѣстѣ царственнымъ и семейнымъ, и не могли удержаться отъ слезъ.

Казалось, торжество вѣнчанія уже совершилось, привѣтствія приняты, гулъ орудій и колоколовъ умолкъ; настала опять такая же таинственная тишина, какая была предъ вступленіемъ во храмъ шествовавшихъ для вѣнчанія; — но еще не доставало молитвы Царской о себѣ и своемъ народѣ, и молитвы всенародной о своемъ Царѣ, и объ сіи молитвы были свыше всякаго слова. Императоръ положилъ скипетръ и державу, сохранивъ одинаково вѣнецъ свой, и одинъ, преклонивъ колѣна на возвышеніи трона, при предстояніи всей Церкви, такъ помолился Богу отцевъ своихъ:

«Господи Боже отцевъ и Царь царствующихъ, сотворившій все словомъ твоимъ и премудростію своею устроившій человѣка, да

управлять міромъ въ преподобіи и правдѣ! — Ты избралъ меня Царемъ и Судіею людямъ твоимъ; исповѣдую твое неизслѣдимое о мнѣ смотрѣніе и, благодаря, покланяюсь величеству твоему. Ты же, Владыко и Господи мой, наставь меня въ дѣлѣ, на которое послалъ меня, вразуми и управи меня въ великомъ служеніи семъ; да будетъ со мною присѣдящая престолу твоему Премудрость; пошли ее съ небесъ святыхъ твоихъ, да разумѣю, что̀ есть угодно предъ очами твоими и что̀ есть право въ заповѣдяхъ твоихъ. Буди сердце мое въ рукахъ твоихъ, дабы все устроить къ пользѣ ввѣренныхъ мнѣ людей и къ славѣ твоей, да и въ день суда твоего, не постыдно воздамъ тебѣ слово: милостію и щедротами Единороднаго твоего Сына, съ нимже благословенъ еси, съ Пресвятымъ и благимъ и животворящимъ твоимъ Духомъ, во вѣки, аминь.»

Не такъ же ли, въ книгѣ Царствъ, юный Соломонъ, молитъ явившагося ему Господа, воцарившаго его, вмѣсто Давида отца его, даровать ему сердце смысленное, чтобы судить въ правдѣ людей Божіихъ и разумѣвать посреди добра и зла? (3 Царствъ III. 9) Не такъ ли опять, уже во дни своей славы, когда создалъ храмъ Богу отцевъ своихъ, и

слава Господня исполнила сей храмъ, простеръ Соломонъ руки свои къ Богу горѣ, предъ лицемъ всѣхъ іереевъ и всего народа, и помолился о вѣрныхъ ему людяхъ? - Вездѣ отголосокъ ветхозавѣтныхъ преданій въ Православной Церкви Новаго Завѣта, не отступающей отъ стези отцевъ. Твердо, внятно произнесъ благочестивый Государь сію коленопреклонную молитву; въ каждомъ словѣ отзывалось чувство, какимъ былъ онъ проникнуть, но въ голосѣ его былъ отголосокъ слезъ, которыя горѣли въ глазахъ его, свѣтлѣе алмазовъ его вѣнца.

Всталъ Онъ, и въ свою очередь вся Церковь преклонила колѣна, при предстояніи одного лишь Державнаго, высоко надъ своимъ народомъ. Митрополитъ, отъ лица всѣхъ, произнесъ умительную молитву къ Господу: «все устрояющему, неисповѣдимымъ своимъ промысломъ, и воздающему намъ не по беззаконіямъ нашимъ, чтобы умудрилъ и наставилъ раба своего, благочестивѣйшаго Самодержца, которымъ утѣшилъ сердца наши, и даровалъ бы ему не поползновенно проходить великое свое служеніе, показавъ его врагамъ страшна, къ добрымъ милостива, согрѣвая сердце его къ призрѣнію нищихъ, къ пріятію странныхъ, заступленію напаствуемыхъ, и подчиненныя ему

правительства направляя на путь правды; всѣ же врученные державѣ его народы содержа въ нелицемѣрной вѣрности и сотворяя его отцемъ, о чадахъ своихъ веселящихся.» Кто выскажетъ всѣ трогательныя прошенія сей вдохновенной сердцемъ молитвы къ Господу, который единъ вѣдаетъ, то что мы требуемъ, и подастъ еще прежде нашихъ прошеній, ибо отъ него, какъ отъ Отца свѣтовъ, истекаетъ намъ всякое благодѣяніе и исходитъ всякій даръ совершенный!

По окончаніи сей молитвы, Святитель Московскій, еще весь проникнутый таинственнымъ дѣйствіемъ, которое сподобилъ его Господь совершить надъ Царемъ своимъ, произнесъ предъ лицемъ его краткую рѣчь, и рѣчь сія была дополненіемъ его молитвы, ибо, вмѣстѣ съ благожеланіями Царю, заключала въ себѣ и изложеніе царственнаго долга.

«Благословенъ Царь царствующихъ, сказалъ онъ, вѣнчавшій тебя вѣнцемъ отъ камене честна, и, словами псаломными, изобразилъ: какъ праведно вѣнчалъ его Господь, по закону престолонаслѣдія и потому, что Царь положилъ сердце свое въ руки Божіи, желая таинственнаго осѣненія Духа Владычняго, и какъ утишилъ Господь вокругъ него бурю браней, чтобы въ мирѣ и не безъ подвига воспріялъ вѣнецъ

предковъ. Ради сего внушалъ Святитель новому Царю, радоваться о спасеніи Господнемъ, и приглашалъ къ той же, радости Благовѣрную его Супругу и Благочестивую Матерь, ибо уже созрѣлъ плодъ ея чрева и сладокъ для Россіи. И Церковь Православную приглашалъ онъ вознести соборную молитву къ Господу, полагающему печать своего избранія на вожделѣннаго Первенца ея сыновъ, вѣрнаго и крѣпкаго ея защитника, по слову пророческому о Царяхъ: «будутъ Царіе кормители ея». — И Россіи предстояла радость, въ священной славѣ Царя своего, которому Царскій вѣнецъ его былъ только пріятенъ отъ руки небеснаго Царя, и вожделѣнно помазаніе отъ Святаго.

Тогда исповѣдалъ въ слухъ Державнаго: что свыше мѣры человѣческой потребенъ даръ Царю, для того, чтобы отъ его вѣнца, какъ отъ средоточія, проливался на все царство животворный свѣтъ мудрости правительственной; чтобы мановеніемъ его скипетра указывалось вѣрное направленіе подчиненнымъ властямъ, ко благу общественому; чтобы рука Царева крѣпко и все цѣло обнимала его державу; чтобы мечь его всегда былъ готовъ на защиту правды и, однимъ своимъ появленіемъ, уже поражалъ неправду, а знамя Царское собирало

во едино милліоны народа; и наконецъ чтобы труда и бдѣнія Царева доставало для возбужденія ихъ дѣятельности и обеспеченія ихъ покоя. Возвышенно заключилъ онъ всѣ свои благожеланія, о воспріятіи, въ помазаніи видимомъ, невидимой благодати, утѣшительно напомнивъ: какъ древле надъ Царемъ Давидомъ, послѣ его царскаго помазанія, благодатно вселился Духъ Господень, отъ того дня и потомъ.»

Торжественный гимнъ великаго Амвросія: «Тебе Бога хвалимъ», опять при громѣ орудій и гулѣ колоколовъ, огласилъ Церковь. Во всемъ облаченіи Царскомъ, съ вѣнцемъ и скипетромъ и державою, предстоялъ Императоръ, внимая молитвенно гимну; утѣшительно было смотрѣть на него и видѣть, что превознесенный Богомъ не превознесся духомъ, но что напротивъ высочайшій вѣнецъ былъ ему во смиреніе, какъ будто не для него, а для насъ, совершалось все великое сего радостнаго утра.

Началась божественная литургія; три Митрополита ее совершали: Новгородскій и Литовскій при первенствѣ Московскаго. Государь сложилъ съ себя вѣнецъ и смиренно молился на высотѣ своего трона; все его вниманіе и благовѣрной его Супруги, обращено было къ божественной службѣ. На маломъ входѣ поднесли имъ святое Евангеліе, для благоговѣй-

наго цѣлованія; Архіерен и весь освященный клиръ взошли въ олтарь, и литургія продолжалась обычнымъ порядкомъ до времени пріобщенія. Когда пѣли причастный стихъ, постланъ былъ багряный бархатъ, отъ ступеней трона до вратъ царскихъ, для Царскаго шествія къ священному муропомазанію. Открылись святыя врата; два Архіепископа, Казанскій и Ярославскій, вышли и поднялись на ступени трона, чтобы пригласить Вѣнценосныхъ Супруговъ къ сему священному дѣйствію и къ пріобщенію божественныхъ таинъ.

Отложивъ оружіе, но въ вѣнецъ и порфиру, со скипетромъ и державою, спустился Императоръ съ возвышенія трона и приблизился къ вратамъ царскимъ. Предъ олтаремъ отдалъ Онъ, окружавшимъ его сановникамъ, вѣнецъ и прочія знаменія своей власти, сохранивъ на себѣ одну лишь порфиру; во вратахъ царскихъ помазалъ его Святитель Московскій, изъ драгоцѣннаго сосуда Мономахова, священнымъ муромъ, на челѣ и очахъ, на устахъ, ноздряхъ и ушахъ, на персяхъ и рукахъ, возглашая по чину таинства: «печать дара Духа Святаго».—Такъ нѣкогда самъ Господь повелѣлъ Пророку своему Самуилу, помазать перваго Царя Израилева, и ему же велѣлъ повторить сіе таинственное дѣйствіе надъ юнымъ

Давидомъ, еще пастыремъ стадъ Виѳлеемскихъ, отъ коего долженъ былъ произойти самъ Христосъ, т. е. Помазанникъ.

Императрица слѣдовала за Государемъ и сподобилась также таинственной печати дара Духа Святаго, только на челѣ. Она стала предъ иконою Пречистой Дѣвы, когда Императоръ вошелъ царскими вратами въ олтарь, для пріобщенія божественныхъ таинъ, по чину Царскому. Съ теплою вѣрою произнесъ Онъ, у самаго престола, обычную молитву: «вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко ты еси во истину Христосъ, Сынъ Бога живаго.» — Святитель Московскій, положивший печать помазанія духовнаго на челѣ Царскомъ, сподобилъ его и божественнаго пріобщенія, положивъ ему, въ крестообразно сложенныя на престолѣ руки, Святое тѣло, и давъ ему вкусить отъ святой чаши.

Трогательно было видѣть, съ какими слезами, во все сіе время, молилась Императрица на колѣняхъ, у чудотворной иконы Божіей Матери, предавая себя вполнѣ ея покрову, и съ какимъ, истинно Христіанскимъ чувствомъ, приступила Она къ пріобщенію святыхъ таинъ, въ дверяхъ царскихъ.—Не льзя было не молиться, вмѣстѣ съ сими Царственными молитвенниками, которые подавали столь

назидательный примѣръ благочестія всѣмъ своимъ подданнымъ. Послѣ пріобщенія, возвратились Они на свой тронъ, и тутъ прочелъ имъ духовникъ обычныя благодарственныя молитвы. По совершеніи литургіи, возглашено было торжественное многолѣтіе: «Богомъ вѣнчанныхъ, превознесенныхъ и святымъ муромъ помазанныхъ,» и Митрополитъ поднялся опять на ступени трона, чтобы поднести имъ животворящій крестъ.

Тогда Августѣйшая Матерь, въ сопровожденіи всего своего Царственнаго Дома, возвратилась изъ собора прямо въ Царскія палаты, на Красное крыльцо; но иной путь предлежалъ Вѣнчанной Чести, и сколько благочестія въ этомъ обычаѣ, освященномъ вѣками! Въ соборѣ Архангельскомъ, Ей надлежало поклониться гробамъ своихъ предковъ, прежде нежели вступить въ святыя сѣни ихъ Грановитой палаты; но, чтобы утѣшить сердце народа, жаждавшаго видѣть своего Владыку, не прямо въ соборъ, но внѣ ограды, вокругъ Ивана Великаго, направилось шествіе. При выходѣ изъ храма, въ сѣверныя его врата, Державные Супруги вступили подъ высокую сѣнь, великолѣпно украшенную, которую поддерживали старшіе воинскіе чины.

Кто можетъ описать сіе чудное зрѣлище

любви народной! надобно было видѣть его, чтобы оцѣнить; надобно было слышать этотъ ревъ, какъ бы гласъ водъ многихъ, взволнованнаго моря народнаго, заглушавшій и громъ орудій и гулъ всѣхъ колоколовъ Кремля, чтобы постигнуть, какъ привязано сердце Русскаго къ своему Царю. Многимъ пришельцамъ, земли и вѣры чуждой, раскрыло глаза то, чему едва могли вѣрить глаза ихъ, ибо такъ можетъ любить и чувствовать только одинъ народъ Русскій, еще въ полномъ смыслѣ народъ Божій и новый Израиль, по чистотѣ своего сердца и пламенной вѣрѣ. Но вдругъ умолкли клики и настала тишина великая. — Это былъ краткій мигъ молитвы Царской внутри собора, подъ сѣнію Архангеловъ, надъ мощами Святыхъ и предъ гробами предковъ. Весь свѣтлый Домъ властителей Московскихъ тутъ собранъ, отъ перваго Калиты и до втораго Петра, и между ними два молитвенника, неусыпные стражи сей Царственной усыпальницы, — мученикъ Князь Михаилъ и отрокъ Царевичь Димитрій. Къ ихъ священнымъ ракамъ припадали, украшенные ихъ земными вѣнцами, смиряясь предъ нетлѣніемъ ихъ небесныхъ вѣнцевъ, и лишь только появились изъ собора, опять всенародными кликами потрясся воздухъ.

Снова все умолкло: уже подъ сѣнію третьяго собора, молились благоговѣйно Вѣнчанные молитвенники, предъ иконою Матери Божіей, слывущей Донскою, потому что она сопутствовала витязю Донскому, въ день славнаго побоища Мамаева. Въ третій разъ явились Они народу, изъ паперти Благовѣщенской, и уже не умолкали радостные клики, доколѣ Царь и Царица не поднялись по ступенямъ Краснаго крыльца. Съ открытой его площадки, у самаго входа въ святыя сѣни своихъ чертоговъ, Царь Русскій, во всемъ блескѣ своего величія, со скиптромъ и державою въ рукахъ, вѣнчанною главою поклонился своему народу, и, какъ одинъ человѣкъ, откликнулся ему весь многонародный Кремль.

И все утихло!.... Опять вокругъ меня сельская тишина мирнаго Останкина, гдѣ бояринъ Русскій радушно предложилъ гостепріимныя свои палаты Русскому Царю, для отдохновенія отъ Царственныхъ заботъ, и гдѣ еще недавно оба Державные Супруга, благочестивымъ говѣніемъ въ сельскомъ храмѣ, готовились къ воспріятію Царскаго вѣнца: — таково будетъ отнынѣ лѣтописное значеніе Останкина въ отечественной исто-

ріи! — Передо мною носятся опять одни лишь свѣтлые образы того чуднаго видѣнія, которое созерцалъ я.... Сладкія впечатлѣнія оставило оно въ моемъ сердцѣ!—Въ событіи государственномъ, въ торжествѣ церковномъ, мнѣ представлялась семейная радость народа, веселящагося объ Отцѣ своемъ, и Отца веселящагося о своихъ чадахъ: столь крѣпокъ взаимный союзъ ихъ, связуемый Церковію, чрезъ единодушное исповѣданіе единой православной вѣры!—Помазанникъ Божій!—какимъ теплымъ чувствомъ согрѣто это высокое наименованіе одного лишь Русскаго Царя, въ сердцѣ каждаго изъ вѣрныхъ сыновъ Россіи, вѣрнаго и Церкви!—Блаженна и крѣпка Россія, доколѣ будетъ она такъ любить и такъ чувствовать! «Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!»

Останкино, на другой день Коронованія.